

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ / CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

Редактор рубрики П. А. Кабанов / Rubric editor P. A. Kabanov

Научная статья

DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.610-624>

УДК 343.2/.7:343.9(470+571)(1-22)

Г. Ф. КОИМШИДИ¹,

Д. К. ЧИРКОВ²,

А. А. ЛИТВИНОВ³

¹ Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации,
г. Москва, Россия

² Российский государственный университет туризма и сервиса, п. Черкизово, Россия

³ Университет прокуратуры Российской Федерации, г. Москва, Россия

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРЕСТУПНОСТИ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ И ЕЕ КРАТКОСРОЧНЫЙ ПРОГНОЗ НА 2022 г.

Коимшиди Георгий Феофилактович, кандидат технических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, ВНИИ МВД России

E-mail: koim@mail.ru

eLIBRARY ID: SPIN-код: 4808-0622, AuthorID: 714102

Контактное лицо:

Чирков Дмитрий Константинович, кандидат юридических наук, доцент, профессор Высшей школы бизнеса, менеджмента и права, РГУТИС

E-mail: dk8888@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7257-7157>

SPIN-код: 6873-0820, AuthorID: 474386

Литвинов Антон Анатольевич, ведущий научный сотрудник, Университет прокуратуры

E-mail: veriham@mail.ru

SPIN-код: 8855-2707, AuthorID: 695633

Аннотация

Цель: анализ криминогенной обстановки в Российской Федерации, территориальных различий преступности в сельской местности, а также краткосрочное прогнозирование данной преступности в Российской Федерации.

Методы: динамический, статистический, исторический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы исследования, а также конкретно-социологическая методика оценки сельской преступности.

© Коимшиди Г. Ф., Чирков Д. К., Литвинов А. А., 2022

© Koimshidi G. F., Chirkov D. K., Litvinov A. A., 2022

Коимшиди Г. Ф., Чирков Д. К., Литвинов А. А. Территориальный анализ преступности в сельской местности и ее краткосрочный прогноз на 2022 г.
Koimshidi G. F., Chirkov D. K., Litvinov A. A. Territorial analysis of crime in rural areas and its short-term forecast for 2022

Результаты: основной тенденцией сельской преступности с 1 января 2019 г. по 1 октября 2021 г. можно считать равномерное прямолинейное снижение: постоянное ежемесячное снижение – 1,1 тыс. преступлений. Данная тенденция характеризует ситуацию, когда действие криминогенных факторов нейтрализуется воздействием антикриминогенных. Если взять за основу вышеназванные данные и распространить их на следующий год, то можно предположить, что в 2022 г. в сельской местности Российской Федерации будет зарегистрировано от 331,2 тыс. до 388,8 тыс. преступлений. Между тем следует отметить, что официальные данные о состоянии преступности в сельской местности вызывают столь же обоснованные сомнения, как и уголовная статистика в целом по Российской Федерации. Обвальное сокращение преступлений в сельской местности не вытекает из происходящих социальных изменений на селе и дает основание полагать, что причиной такого сокращения является нарушение учетно-регистрационной дисциплины со стороны работников органов внутренних дел.

Научная новизна: в работе впервые проведен сравнительно-правовой анализ динамики зарегистрированных преступлений в сельской местности и в городских населенных пунктах, в результате которого выявлены особенности преступности в сельской местности и предложен авторский краткосрочный прогноз на 2022 г. Несмотря на тенденцию сокращения в 2009–2021 гг. количества регистрируемых в сельской местности преступлений, криминальная обстановка на селе остается сложной. Статистические показатели не отражают реального состояния преступности данного вида, так как указанная тенденция обусловлена искусственным регулированием количества отражаемых в статистической отчетности преступлений в сторону занижения.

Практическая значимость: в результате проведенного криминологического исследования выявлена высокая степень общественной опасности преступности в сельской местности, а ее прогнозирование позволяет уделить пристальное внимание необходимости разработки эффективных мер по борьбе и предупреждению данного вида преступности.

Ключевые слова: уголовное право и криминология, преступность в сельской местности, преступность городская, динамика преступлений, особенности преступности села, уровень сельской преступности, региональный анализ преступности в сельской местности

Статья находится в открытом доступе в соответствии с Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), предусматривающем некоммерческое использование, распространение и воспроизводство на любом носителе при условии упоминания оригинала статьи.

Как цитировать статью: Коимшиди Г. Ф., Чирков Д. К., Литвинов А. А. Территориальный анализ преступности в сельской местности и ее краткосрочный прогноз на 2022 г. // Russian Journal of Economics and Law. 2022. Т. 16, № 3. С. 610–624. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.610-624>

The scientific article

G. F. KOIMSHIDI¹,
D. K. CHIRKOV²,
A. A. LITVINOV³

¹All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

²Russian State University of Tourism and Service, Cherkizovo, Russia

³University of Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia

TERRITORIAL ANALYSIS OF CRIME IN RURAL AREAS AND ITS SHORT-TERM FORECAST FOR 2022

Georgy F. Koimshidi, PhD (Engineering), Associate Professor, Leading Researcher, All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation
E-mail: koim@mail.ru
eLIBRARY ID: SPIN-код: 4808-0622, AuthorID: 714102

Contact:

Dmitry K. Chirkov, PhD (Law), Associate Professor, Professor, Higher School of Business, Management and Law, Russian State University of Tourism and Service

E-mail: dk8888@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-7257-7157>

SPIN-код: 6873-0820, AuthorID: 474386

Anton A. Litvinov, Leading Researcher, University of Prosecutor's Office of the Russian Federation

E-mail: veriham@mail.ru

SPIN-код: 8855-2707, AuthorID: 695633

Abstract

Objective: to analyze the criminological situation in the Russian Federation and the territorial differences in crime in rural areas, as well as to make a short-term forecast of this type of crime in the Russian Federation.

Methods: dynamic, statistical, historical, systemic-structural and comparative-legal methods, as well as a specific sociological methodology of estimating rural crime.

Results: the main trend of rural crime from January 1, 2019 to October 1, 2021 can be considered a uniform straight-line decrease: a constant monthly decrease by 1.1 thousand crimes. This trend characterizes a situation when the effect of criminogenic factors is neutralized by the impact of anti-criminogenic ones. If we take the above-mentioned data as a basis and generalize them for the next year, we can assume that in 2022 from 331.2 thousand to 388.8 thousand crimes will be registered in rural areas of the Russian Federation. Meanwhile, it should be noted that official data on the state of crime in rural areas, as well as the criminal statistics in the Russian Federation as a whole, cause well-founded doubts. The landslide reduction in crimes in rural areas does not follow from the ongoing social changes in rural areas and gives reason to believe that such a reduction is due to a violation of accounting and registration discipline on the part of staff of the law-enforcement bodies.

Scientific novelty: for the first time, a comparative legal analysis of the dynamics of registered crimes in rural and urban areas was carried out, as a result of which the features of crime in rural areas were identified and the author's short-term forecast for 2022 was proposed. Despite the tendency to reduce the number of crimes registered in rural areas in 2009-2021, the criminal situation in rural areas remains complicated. Statistical indicators do not reflect the real state of this type of crime, since this trend is due to artificial regulation of the number of crimes reflected in statistical reporting towards understatement.

Practical significance: as a result of the conducted criminological research, a high degree of public danger of crime in rural areas has been revealed, and its forecasting makes it possible to pay closer attention to the need to develop effective measures to combat and prevent this type of crime.

Keywords: Criminal law and criminology, Crime in rural areas, Urban crime, Crime dynamics, Features of rural crime, Rural crime rate, Regional analysis of crime in rural areas

The article is in Open Access in compliance with Creative Commons Attribution Non-Commercial License (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>), stipulating non-commercial use, distribution and reproduction on any media, on condition of mentioning the article original.

For citation: Koimshidi, G. F., Chirkov, D. K., Litvinov, A. A. (2022). Territorial analysis of crime in rural areas and its short-term forecast for 2022. *Russian Journal of Economics and Law*, 16 (3), 610–624 (in Russ.). DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/2782-2923.2022.3.610-624>

Введение

В современных реалиях экономического кризиса, попыток давления западных стран на Российскую Федерацию особую актуальность приобретает продовольственная безопасность страны, которая напрямую связана с безопасностью, в том числе криминальной, сельского населения.

Сельская местность обладает определенной спецификой, заключающейся в удаленности сельских поселений друг от друга и от районных центров; в плохом транспортном сообщении между ними; в недостаточно

развитой телекоммуникационной связи; в сезонности сельскохозяйственного производства; в удаленности от отделов полиции и в некоторых иных факторах, накладывающих отпечаток на образ жизни и поведение, в том числе преступное, жителей сельской местности [1. С. 126].

Исторически сложившаяся и проверенная управленческим, культурным опытом система предупреждения преступлений в сельской местности была разрушена в 1990-х гг., вместо нее ничего не создано до настоящего времени. Также имеются сложности у администраций сельских поселений с оказанием помощи лицам, освободившимся из мест лишения свободы. Они связаны с тем, что в сельской местности отсутствует система социальной поддержки таких людей, как и гарантированные государством рабочие места для этой категории граждан [2. С. 40–45].

О крайне неблагоприятных условиях жизнедеятельности в сельской местности также свидетельствуют социологические и криминологические исследования [3–7].

Такое негативное явление, как массовое обеднение сельского населения произошло вследствие ошибочного представления о том, что в условиях рыночной экономики быстро будет создано новое сельскохозяйственное производство, основанное на частной собственности на землю; сформировано новое крестьянство, способное обеспечить продовольственную безопасность. Начался и продолжается опасный для страны, негативный социальный процесс, именуемый «раскрестьяниванием» деревни. С одной стороны, он выразился в сокращении сельского населения. С другой – в социальной деградации сохраняющегося сельского населения, утрате навыков к сельскохозяйственному труду. По расчетам П. П. Великого и Е. В. Бочарова, с 1990 г. произошло шестикратное уменьшение сельских тружеников. Сложившаяся структура сельскохозяйственного производства сделала излишним 7 млн человек сельских тружеников [1. С. 126].

С 1990-х гг. в России начинается резкая деформация жизнедеятельности сельского населения [1. С. 128–129]. В последние тридцать лет очень сильно изменилась структура сельского населения, выразившаяся в резком увеличении в ней доли лиц пожилого возраста. С криминологической точки зрения отток молодежи из сельских поселений снижает криминальную активность сельского населения. Однако не все однозначно с проблемой внутренней миграции сельских жителей. Масштабы миграционных потоков определяются не только поиском лучших условий для жизни и труда сельскими жителями, но и миграционной емкостью урбанизированной среды [1. С. 129]. В советское время плановая индустриализация «вытягивала» трудоспособное население из деревень, обеспечивала их социализацию в городах-новостройках и при реализации широкомасштабных строительных проектов.

Цель статьи – анализ криминогенной обстановки в Российской Федерации, территориальные различия преступности в сельской местности, а также краткосрочное прогнозирование данной преступности в Российской Федерации.

Результаты исследования

В настоящее время, в условиях экономического кризиса, усугубившегося в результате пандемии и тотальных санкций западных стран в отношении России, уровень безработицы в городах заметно вырос, что сдерживает отток сельского населения, и в первую очередь лиц старше 40 лет. Данный контингент в городе не востребован [1. С. 131].

О негативных экономических тенденциях на селе свидетельствует характеристика источников денежных средств сельских жителей. Наибольшую их долю занимают пенсии, пособия и случайные приработки [1. С. 131]. Усиливают «раскрестьянивание» негативные социокультурные факторы, снижение возможностей получения хорошего медицинского, бытового и иного социального обслуживания, получения образования, организации досуга. Это резко ухудшает социальное самочувствие жителей села, порождает аномию, т. е. способствует разложению системы ценностей и этических норм, нравственно-психологического состояния сельских жителей [3. С. 165]. «Раскрестьянивание» не только способствует оттоку сельских жителей в город, но и сопровождается маргинализацией и люмпенизацией, деструкцией ценностей, ростом девиантного поведения [1. С. 133].

В сельской местности растет хроническая бедность, при которой человек имеет в течение ряда лет низкую ресурсообеспеченность, что приводит к фактическому изменению повседневного поведения, круга общения, снижению самооценки. Опасно формирование у представителей застойной бедности специфического образа жизни с утратой надежды на изменение сложившейся ситуации, прекращением попыток что-то изменить, сменой менталитета, ростом агрессивности, формированием асоциальных идентичностей [8]. Происходит процесс стигматизации бедных. Бедность стала ассоциироваться с пьянством и другими асоциальными формами поведения. Ядро российской бедности составляет именно хроническая бедность, которая включает в себя как выходцев из социальных низов, так и из вполне благополучных слоев населения [8. С. 16–19]. Сказанное о хронической бедности имеет прямое отношение к криминализации сельского социума.

Так, каждое пятое-шестое (18,6 %) преступление в стране совершается в сельской местности. По состоянию на 1 октября 2021 г. в Российской Федерации за 12 прошедших месяцев зарегистрировано 376 138 преступлений, совершенных в сельской местности. Это на –4,5 %, или на 17 575, преступлений меньше.

Основные тенденции в динамиках преступности в городах и в сельской местности до 2019 г. совпадали (рис. 1). Последние три года (2019–2021 гг.) эти динамики имеют разнонаправленные векторы. Городская преступность незначительно растет: ежемесячно в среднем на +2,6 тыс. преступлений в городах и поселках городского типа. А сельская преступность незначительно снижается: ежемесячно в среднем на –1,1 тыс. преступлений в сельской местности.

Каждое третье (33,6 %) преступление в сельской местности совершается в 11 субъектах Российской Федерации: в Краснодарском крае – 20 697 (5,5 %), Республике Башкортостан – 15 165 (4,0 %), Алтайском крае – 13 589 (3,6 %), Ростовской – 11 612 (3,1 %), Ленинградской – 10 499 (2,8 %), Московской – 9 694 (2,6 %), Иркутской – 9 415 (2,5 %) областях, Ставропольском крае – 9 389 (2,5 %), Челябинской области – 9 187 (2,4 %), Красноярском крае – 8 995 (2,4 %) и в Республике Бурятия – 8 182 (2,2 %).

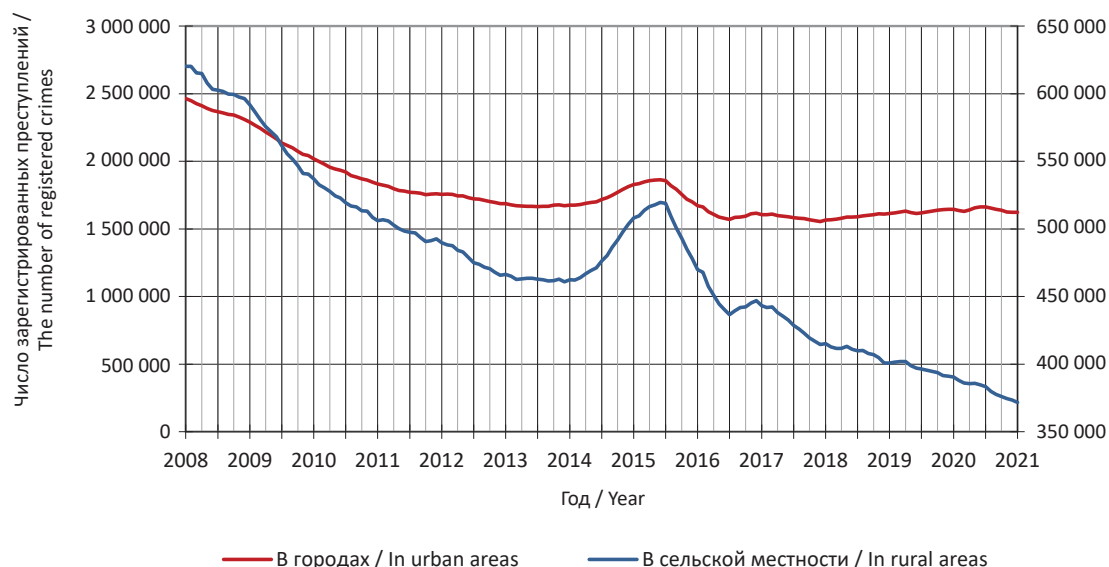

Рис. 1. Динамика числа зарегистрированных преступлений в городах и сельской местности. 2009–2021 гг.

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Fig. 1. Dynamics of the number of registered crimes in urban and rural areas (2009–2021)

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

По состоянию на 1 октября 2021 г. из 82¹ субъектов Российской Федерации в 63 наблюдалось снижение. При этом в тринадцати регионах снижение было заметным (более 10 %), а в шести из них – более 15 %: в Ярославской области – 16,4 %, в Рязанской области – 18,8 %, в Республике Коми – 19,4 %, в Ивановской области – 20,1 %, в Республике Тыва – 27,0 % и в Республике Северная Осетия – Алания – 75,6 % (с 1 200 до 293).

А в девятнадцати регионах наблюдался рост, и в трех из них – заметный: в Республике Ингушетия – на 17,3 %, в Камчатском крае – на 25,6 % и в Ненецком автономном округе – на 90,4 % (со 115 до 219).

В Российской Федерации совершается 1 014,4 преступления на 100 тыс. сельского населения (в городах – 1 495,2).

Следует отметить, что 10 % сельского населения страны проживает в регионах, где средний уровень преступности (наибольший) составляет 1 860,1: от 1 648,0 в Хабаровском крае до 2 374,0 в Еврейской автономной области.

А 10 % сельского населения страны проживает в регионах, где средний уровень преступности (наименьший) составляет 259,0: от 118,2 в Республике Северная Осетия – Алания до 503,6 в Кабардино-Балкарской Республике.

Децильный коэффициент² 7,2 указывает, что дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню преступности в сельской местности заметна, но не критична.

Уровень преступности в сельской местности в Еврейской автономной области (2 374,0) настолько высок, что этот регион по данному показателю нарушает статистическую однородность всех субъектов Российской Федерации.

Из остальных 81 субъекта шесть регионов можно отнести к *группе с высоким уровнем сельской преступности* (табл. 1). Средний уровень – 2 073,0. Территориальный индекс группы – 2,0 (уровень сельской преступности в группе в два раза больше, чем в среднем по стране).

Таблица 1

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с высоким уровнем сельской преступности

Table 1. The Russian Federation subjects included into the group with high level of crime in rural areas

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Камчатский край / Kamchatka krai	2 248,0
Республика Алтай / Altay Republic	2 148,6
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	2 081,8
Амурская область / Amur oblast	2 038,0
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	2 037,6
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Region	1 910,7
Средний уровень в группе / Average in the group	2 073,0

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

¹ За исключением субъектов-городов Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя.

² Соотношение этих средних.

К группе регионов с уровнем сельской преступности выше среднего относятся 17 субъектов Российской Федерации (табл. 2). Средний уровень – 1 656,7. Территориальный индекс группы – 1,6.

Таблица 2

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем сельской преступности выше среднего

Table 2. The Russian Federation subjects included into the group with above average level of crime in rural areas

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Забайкальский край / Trans-Baikal krai	1 877,5
Республика Карелия / Republic of Karelia	1 862,4
Магаданская область / Magadan oblast	1 824,2
Ленинградская область / Leningrad oblast	1 800,6
Сахалинская область / Sakhalin oblast	1 766,1
Иркутская область / Irkutsk oblast	1 759,0
Новгородская область / Novgorod oblast	1 723,5
Приморский край / Primorskiy krai	1 715,0
Ханты-Мансийский автономный округ / Khanty-Mansi Autonomous Region	1 661,5
Хабаровский край / Khabarovsk krai	1 648,0
Республика Удмуртия / Udmurt Republic	1 574,2
Челябинская область / Chelyabinsk oblast	1 531,6
Архангельская область / Arkhangelsk oblast	1 522,7
Кемеровская область / Kemerovo oblast	1 521,8
Ямало-Ненецкий автономный округ / Yamal-Nenets Autonomous Region	1 518,2
Республика Коми / Komi Republic	1 509,4
Курганская область / Kurgan oblast	1 506,0
Средний уровень в группе / Average in the group	1 656,7

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

54 субъекта Российской Федерации относятся к группе со средним уровнем сельской преступности: от 646,1 в Карачаево-Черкесской Республике до 1 442,5 в Псковской области. Средний уровень – 974,0. Территориальный индекс – 1,0.

Пять регионов можно отнести к группе с уровнем сельской преступности ниже среднего (табл. 3). Средний уровень – 353,3. Территориальный индекс группы – 0,3 (уровень сельской преступности в группе составляет 30 % от аналогичного показателя в стране или уровень сельской преступности в группе в три раза меньше, чем в среднем по стране).

Таблица 3

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем сельской преступности ниже среднего

Table 3. The Russian Federation subjects included into the group with lower than average level of crime in rural areas

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Республика Крым / Republic of Crimea	562,6
Кабардино-Балкарская Республика / Kabardino-Balkar Republic	503,6
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	318,8
Республика Ингушетия / Ingush Republic	280,0
Чеченская Республика / Chechen Republic	159,5
Средний уровень в группе / Average in the group	353,5

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

В группе с низким уровнем сельской преступности всего один субъект Российской Федерации – Республика Северная Осетия – Алания (118,2 преступления на 100 тыс. сельского населения).

Виктимность сельского населения Российской Федерации по уровню погибших

Социально-демографическое развитие сельских территорий характеризуется спадом рождаемости, сокращением числа лиц моложе и трудоспособного возраста, старением возрастной структуры села [9. С. 14–19]. Острота демографических проблем актуализирует значимость мер, направленных как на рост рождаемости, так и на сокращение смертности населения. Сельские территории России характеризуются более высоким уровнем смертности, чем городские. Факторами риска выступают не только низкие доходы населения, но и отдаленность от медицинских центров, недостаточная обеспеченность врачами и медсестрами, плохое качество жилья, нездоровый образ жизни отдельных социальных групп [10. С. 21–25]. Наряду с этим отрицательно влияющим фактором на ожидаемую продолжительность жизни населения влияет чрезмерное потребление алкоголя [11. С. 58–83]. Также значимым фактором является высокий уровень преступности в сельской местности.

По состоянию на 1 октября в Российской Федерации за 12 прошедших месяцев от преступлений погибло 22 907 человек. Более чем каждый третий (38,5 %, или 8 815) погибли в сельской местности.

Почти каждый третий (32,9 %) погиб в сельской местности одиннадцати субъектов Российской Федерации: 445, или 5,0 %, погибли в Республике Башкортостан, 378, или 4,3 %, – в Краснодарском крае, 283, или 3,2 %, – в Ростовской области, 257, или 2,9 %, – в Иркутской области, 252, или 2,9 %, – в Московской области, 249, или 2,8 %, – в Красноярском крае, 236, или 2,7 %, – в Алтайском крае, 211, или 2,4 %, – в Приморском крае, 211, или 2,4 % – в Республике Татарстан, 197, или 2,2 %, – в Забайкальском крае и 179, или 2,0 %, – в Ленинградской области.

Уровень погибших в сельской местности – 23,8 человека на 100 тыс. сельского населения. В городах почти в два раза меньше – 12,5 на 100 тыс. городского населения.

При этом 10 % сельских жителей проживают в регионах, где средний уровень (наибольший) погибших составляет 49,8: от 38,7 в Красноярском крае до 200,7 в Магаданской области.

А 10 % сельских жителей проживают в регионах, где средний уровень (наименьший) погибших составляет 4,9: от 1,6 в Республике Северная Осетия – Алания до 9,5 в Республике Дагестан.

Децильный коэффициент 10,1 указывает, что дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню погибших в сельской местности заметна и критична.

Уровень преступности в сельской местности в девяти субъектах Российской Федерации настолько высок, что эти регионы по данному показателю нарушают статистическую однородность всех субъектов Российской

Федерации: Магаданская область (200,7), Республика Тыва (78,6), Мурманская область (62,1), Ямало-Ненецкий автономный округ (60,6), Хабаровский край (59,7), Забайкальский край (58,3), Ханты-Мансийский автономный округ (57,6), Чукотский автономный округ (56,3) и Камчатский край (53,7). Виктимность (по уровню погибших) в сельской местности этих регионов нужно исследовать отдельно.

Типология по уровню погибших в сельской местности остальных 72 субъектов Российской Федерации

Шесть регионов можно отнести к группе с высоким уровнем погибших в сельской местности (табл. 4). Средний уровень – 47,9. Территориальный индекс группы – 2,0 (уровень погибших в сельской местности в группе в два раза больше, чем в среднем по стране).

Таблица 4

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с высоким уровнем погибших в сельской местности

Table 4. The Russian Federation subjects included into the group with high level of crime victims in rural areas who died

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Приморский край / Primorskiy krai	49,3
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous Oblast	48,5
Иркутская область / Irkutsk oblast	48,0
Амурская область / Amur oblast	47,9
Республика Карелия / Republic of Karelia	46,1
Ярославская область / Yaroslavl oblast	45,7
Средний уровень в группе / Average in the group	47,9

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

К группе регионов с уровнем погибших в сельской местности выше среднего относятся 11 субъектов Российской Федерации (табл. 5). Средний уровень – 37,1. Территориальный индекс группы – 1,6.

Таблица 5

Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем погибших в сельской местности выше среднего

Table 5. The Russian Federation subjects included into the group with above average level of crime victims in rural areas who died

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Кемеровская область / Kemerovo oblast	40,7
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	40,6
Красноярский край / Krasnoyarsk krai	38,7
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	37,1
Сахалинская область / Sakhalin oblast	36,3
Тверская область / Tver oblast	35,9
Владимирская область / Vladimir oblast	35,7
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Region	34,9
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	34,9

Окончание табл. 5 / Continuation of Table 5

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Республика Алтай / Altay Republic	34,6
Вологодская область / Vologda oblast	34,2
Средний уровень в группе / Average in the group	37,1

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

51 субъект Российской Федерации относится к группе со средним уровнем погибших в сельской местности: от 13,3 в Республике Крым до 531,6 в Архангельской области. Средний уровень – 22,3. Территориальный индекс – 0,9.

Четыре региона можно отнести к группе с уровнем погибших в сельской местности ниже среднего (табл. 6). Средний уровень – 6,3. Территориальный индекс группы – 0,3 (уровень погибших в сельской местности в группе в 3,7 раза меньше, чем в среднем по стране).

Таблица 6

**Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем погибших
в сельской преступности ниже среднего**

**Table 6. The Russian Federation subjects included into the group with lower than average level of crime victims
in rural areas who died**

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Республика Дагестан / Republic of Dagestan	9,5
Республика Ингушетия / Ingush Republic	7,0
Ставропольский край / Stavropol krai	4,5
Чеченская Республика / Chechen Republic	2,7
Средний уровень в группе / Average in the group	6,3

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

В группе с низким уровнем погибших в сельской местности всего один субъект Российской Федерации – Республика Северная Осетия – Алания (1,6 погибшего от преступлений на 100 тыс. сельского населения республики).

**Виктимность сельского населения Российской Федерации
по уровню получивших тяжкий вред здоровью**

По состоянию на 1 октября в Российской Федерации за 12 прошедших месяцев в результате преступлений тяжкий вред здоровью получили 33 199 человек. Почти каждый третий (31,5 %, или 10 446) получили его в сельской местности.

Каждый третий (33,2 %) получил тяжкий вред здоровью в сельской местности в одиннадцати субъектах Российской Федерации: 530, или 5,1 %, в Краснодарском крае; 379, или 3,6 %, в Красноярском крае; 373, или 3,6 %, в Республике Башкортостан; 338, или 3,2 %, в Иркутской области; 321, или 3,1 %, в Московской области; 289, или 2,8 %, в Алтайском крае; 288, или 2,8 %, в Ленинградской области; 244, или 2,3 %, в Пермском крае; 240, или 2,3 %, в Ростовской области; 239, или 2,3 %, в Республике Дагестан и 232, или 2,2 %, в Республике Бурятия.

Уровень получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности – 28,2 человека на 100 тыс. сельского населения. В городах на 7,8 пункта меньше – 20,4 на 100 тыс. городского населения.

При этом 10 % сельских жителей проживают в регионах, где средний уровень (наибольший) получивших тяжкий вред здоровью составляет 61,9: от 49,4 в Ленинградской области до 136,6 в Республике Тыва.

А 10 % сельских жителей проживают в регионах, где средний уровень (наименьший) получивших тяжкий вред здоровью составляет 6,4: от 1,2 в Республике Северная Осетия – Алания до 14,0 в Республике Дагестан.

Децильный коэффициент 9,7 указывает, что дифференциация субъектов Российской Федерации по уровню получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности заметная и близка к критичной.

Уровень преступности в сельской местности в четырех субъектах Российской Федерации настолько высок, что эти регионы по данному показателю нарушают статистическую однородность всех субъектов Российской Федерации: Республика Тыва (136,6), Ямало-Ненецкий автономный округ (89,2), Ханты-Мансийский автономный округ (77,6) и Магаданская область (73,0). Виктимность (по уровню получивших тяжкий вред здоровью) в сельской местности этих регионов следует исследовать отдельно.

Типология по уровню получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности остальных 77 субъектов Российской Федерации

Девять регионов можно отнести к группе с высоким уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности (табл. 7). Средний уровень – 59,2. Территориальный индекс группы – 2,1 (уровень получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности в группе в 2,1 раза больше, чем в среднем по стране).

Таблица 7

**Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с высоким уровнем получивших тяжкий вред здоровью
в сельской местности**

**Table 7. The Russian Federation subjects included into the group with high level of crime victims in rural areas
with severe injuries to health**

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Иркутская область / Irkutsk oblast	63,1
Еврейская автономная область / Jewish Autonomous oblast	62,7
Красноярский край / Krasnoyarsk krai	58,9
Камчатский край / Kamchatka krai	58,2
Кемеровская область / Kemerovo oblast	58,1
Республика Бурятия / Republic of Buryatia	57,8
Забайкальский край / Trans-Baikal krai	57,8
Мурманская область / Murmansk oblast	57,0
Сахалинская область / Sakhalin oblast	55,0
Средний уровень в группе / Average in the group	59,2

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

К группе регионов с уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности выше среднего относятся 12 субъектов Российской Федерации (табл. 8). Средний уровень – 47,0. Территориальный индекс группы – 1,7.

Таблица 8

**Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем получивших тяжкий вред здоровью
в сельской местности выше среднего**

**Table 8. The Russian Federation subjects included into the group with above average level of crime victims in rural areas
with severe injuries to health**

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Ненецкий автономный округ / Nenets Autonomous Region	52,3
Приморский край / Primorskiy krai	51,6
Ленинградская область / Leningrad oblast	49,4
Чукотский автономный округ / Chukotka Autonomous Region	49,3
Хабаровский край / Khabarovsk krai	49,0
Республика Хакасия / Republic of Khakassia	47,5
Амурская область / Amur oblast	47,1
Республика Саха (Якутия) / Republic of Sakha (Yakutia)	46,2
Республика Алтай / Altay Republic	42,9
Архангельская область / Arkhangelsk oblast	42,5
Владимирская область / Vladimir oblast	41,8
Республика Карелия / Republic of Karelia	40,9
Средний уровень в группе / Average in the group	47,0

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

53 субъекта Российской Федерации относятся к группе со средним уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности: от 14,0 в Республике Дагестан до 39,3 в Вологодской области. Средний уровень – 25,0. Территориальный индекс – 0,9.

Четыре региона можно отнести к группе с уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности ниже среднего (табл. 9). Средний уровень – 4,3. Территориальный индекс группы – 0,2 (уровень получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности в группе в 6,6 раза меньше, чем в среднем по стране).

Таблица 9

**Субъекты Российской Федерации, относящиеся к группе с уровнем получивших тяжкий вред здоровью
в сельской местности ниже среднего**

**Table 9. The Russian Federation subjects included into the group with lower than average level of crime victims in rural
areas with severe injuries to health**

Регионы / Regions	Коэффициент / Coefficient
Республика Ингушетия / Ingush Republic	7,0
Ставропольский край / Stavropol krai	5,7
Чеченская Республика / Chechen Republic	2,8
Республика Северная Осетия – Алания / Republic of Northern Osetia - Alaniya	1,2
Средний уровень в группе / Average in the group	0,3

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

Группа с низким уровнем получивших тяжкий вред здоровью в сельской местности пустая – нет субъектов Российской Федерации, имеющих такой уровень получивших тяжкий вред здоровью от преступлений.

Выводы

В результате проведенного исследования был составлен прогноз числа зарегистрированных преступлений в сельской местности на 2022 г. Моделью (основной тенденцией) сельской преступности с 1 января 2019 г. по 1 октября 2021 г. было равномерное прямолинейное снижение: постоянное ежемесячное снижение –1,1 тыс. преступлений. Надежность аппроксимации – 98,4 % (рис. 2). Эта модель характеризует ситуацию, когда действие криминогенных факторов нейтрализуется воздействием антикриминогенных. Если экстраполировать эту модель на следующий год, то в 2022 г. в сельской местности будет зарегистрировано 360 тыс. преступлений.

Таким образом, если криминальная ситуация в сельской местности не изменится, а также с учетом общепринятой ошибки прогнозирования (около 7–10 %) можно предположить, что в 2022 г. в сельской местности Российской Федерации будет зарегистрировано от 331,2 тыс. до 388,8 тыс. преступлений.

Подводя итог анализу состояния преступности в сельской местности, следует отметить, что официальные данные о состоянии преступности в сельской местности вызывают столь же обоснованные сомнения, как и уголовная статистика в целом по Российской Федерации. Обвальное сокращение преступлений в сельской местности не вытекает из происходящих социальных изменений на селе, дает основание полагать, что причиной такого сокращения является нарушение учетно-регистрационной дисциплины со стороны работников органов внутренних дел [12. С. 155–222; 5. С. 250–260; 6. С. 188–197; 7. С. 4–20].

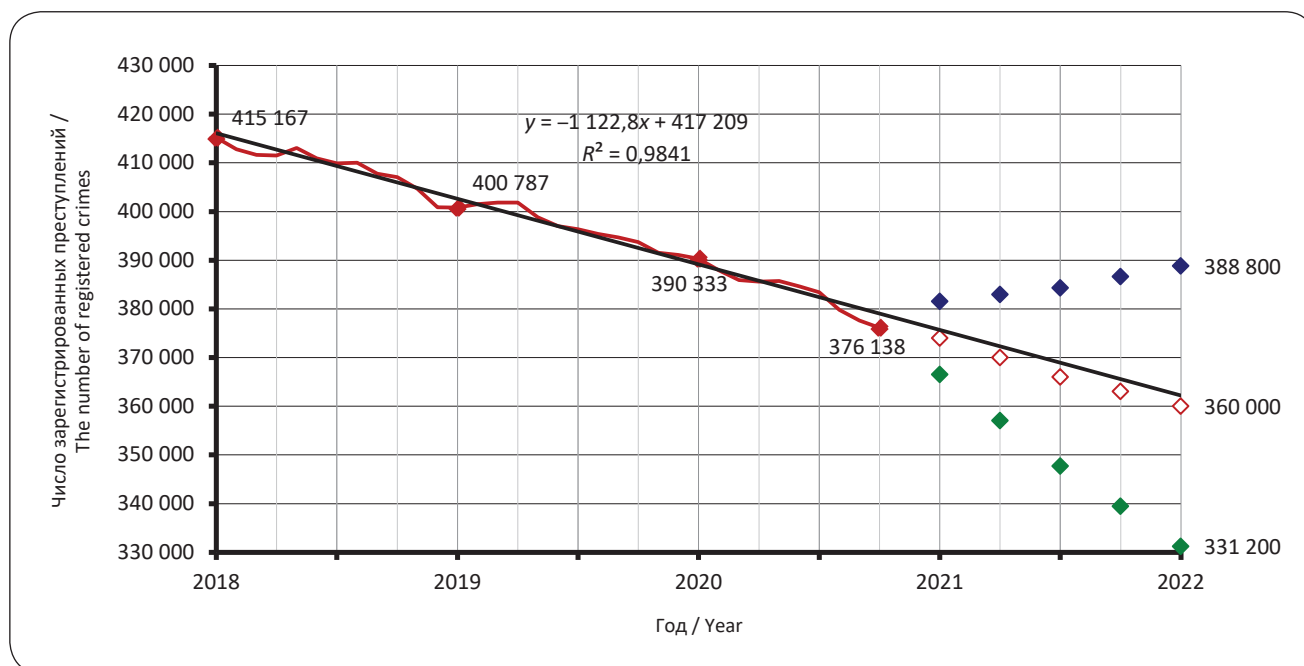

Рис. 2. Динамика числа зарегистрированных преступлений в сельской местности (2009–2021 гг.) и ее прогноз на 2021 и 2022 гг.

Источник: составлено авторами на основании статистических форм ГИАЦ МВД России.

Fig. 2. Dynamics of the number of registered crimes in rural areas (2009–2021) and its forecast for 2021 and 2022

Source: compiled by the authors based on statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

Санкционный режим, в котором оказалась Россия, достаточно сильно повлиял на экономику нашей страны, но сложившаяся ситуация также способствовала тому, что государство активизировалось и предприняло необходимые шаги на пути к увеличению объемов сельскохозяйственного производства и развития сектора в целом [13]. Однако без широкомасштабной борьбы с преступностью в сельской местности развитие села будет крайне затруднительным.

Список литературы

1. Великий П. П., Бочаров Е. В. Раскрестьянивание как индикатор деструктивной трансформации российской агросферы // Социс. 2012. № 1. С. 126.
2. Петровский А. В. Преступность и ее предупреждение в сельских районах Краснодарского края и Республики Адыгея // Теория и практика общественного развития. 2020. № 10 (152). С.40–45.
3. Тезаурус социологии: темат. словарь-справочник / под ред. Ж. Т. Тощенко. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 487 с.
4. Тихонова Н. Е. Низший класс в социальной структуре российского общества // Социс. 2011. № 5. С. 24–35
5. Современная криминологическая характеристика преступности в сельской местности / Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди, Д. К. Чирков, А. А. Литвинов и др. // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 1. С. 250–260. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.08.2014.1.250-260>
6. Современная криминологическая характеристика преступности в сельской местности (продолжение статьи) / Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди, Д. К. Чирков, А. А. Литвинов и др. // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2. С. 188–197. DOI: <https://doi.org/10.21202/1993-047X.08.2014.2.188-197>
7. Современные тенденции преступности в сельской местности: научный подход к данной проблематике / Д. К. Чирков, А. А. Литвинов, Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди // Национальная Безопасность / Nota Bene. 2014. № 1 (30). С. 4–20.
8. Тихонова Н. Е. Феномен бедности в современной России // Социс. 2014 № 1. С. 16–19.
9. Блинова Т. В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2018. № 2. С. 14–19.
10. Моделирование факторов, влияющих на снижение смертности сельского населения России / Т. В. Блинова, С. Г. Былина, В. А. Русановский // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2020. № 2 (81). С. 21–25.
11. Влияние потребления алкоголя на смертность и ожидаемую продолжительность жизни в регионах России / Т. Коссова, Е. Коссова, М. Шелунцова // Экономическая политика. 2017. № 1. С. 58–83.
12. Сельская преступность в России: современные тенденции и меры противодействия / Д. К. Чирков, А. А. Литвинов, Г. В. Антонов-Романовский, Г. Ф. Коимшиди // Вопросы безопасности. 2013. № 6. С. 155–222. DOI: <https://doi.org/10.7256/2306-0417.2013.6.10530>
13. Подколзина И. М., Павлюк А. В. Обеспечение устойчивого развития экономики сельского хозяйства в рамках инновационного подхода // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 1. С. 23–27.

References

1. Velikii, P. P., Bocharov, E. V. (2012). De-peasanting as an indicator of destructive transformation of the Russian agrarian sphere. *Sotsis*, 1, 126 (in Russ.).
2. Petrovsky, A. V. (2020). Crime and its prevention at rural areas of the Krasnodar territory and the Republic of Adygea. *Theory and Practice of Social Development*, 10 (152), 40–45 (in Russ.).
3. Toshchenko, Zh. T. (Ed.). (2009). *Thesaurus of sociology: thematic dictionary – reference book*. Moscow, YuNITI-DANA (in Russ.).
4. Tikhonova, N. E. (2011). Lower class in the social structure of Russian society. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 5, 24–35 (in Russ.).
5. Antonov-Romanovskiy, G. V., Koimshidi, G. F., Chirkov, D. K., Litvinov, A. A., Trushenko, A. N. (2014). Modern criminological characteristics of crime in rural areas. *Actual Problems of Economics and Law*, 8 (1), 250–260. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.08.2014.1.250-260>
6. Antonov-Romanovskiy, G. V., Koimshidi, G. F., Chirkov, D. K., Litvinov, A. A., Trushenko, A. N. (2014). Modern criminological characteristics of crime in rural areas (continuation). *Actual Problems of Economics and Law*, 8 (2), 188–197. <https://doi.org/10.21202/1993-047X.08.2014.2.188-197>

7. Chirkov, D. K., Litvinov, A. A., Antonov-Romanovskiy, G. V., Koimshidi, G. F. (2014). Modern crime trends in rural areas: scientific approach to the problem. *Natsional'naya Bezopasnost / Nota Bene*, 1 (30), 4–20 (in Russ.).
8. Tikhonova, N. E. (2014). Poverty phenomenon in contemporary Russia. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*, 1, 16–19 (in Russ.).
9. Blinova, T. V. (2018). Demographic threats and limitations of the development of rural territories in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2, 14–19 (in Russ.).
10. Blinova, T. V., Bylina, S. G., Rusanovskiy, V. A. (2020). Modelling of factors that reduce death rate of rural population in Russia. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta*, 2 (81), 21–25 (in Russ.).
11. Kossova, T. V., Kossova, E. V., Sheluntsova, M. A. (2017). Estimating the impact of alcohol consumption on mortality and life expectancy in Russian regions. *Economic Policy*, 1, 58–83 (in Russ.).
12. Chirkov, D. K., Litvinov, A. A., Antonov-Romanovskiy, G. V., Koimshidi, G. F. (2013). Rural crime in Russia: modern tendencies and countermeasures. *Security Issues*, 6, 155–222 (in Russ.). <https://doi.org/10.7256/2306-0417.2013.6.10530>
13. Podkolzina, I. M., Pavlyuk, A. V. (2018). The sustainable development of the rural economy in the framework of the innovative approach. *Economic Problems and Legal Practice*, 1, 23–27 (in Russ.).

Вклад авторов

Г. Ф. Коимшиди проводил аналитическую работу статистических данных и совместно с Д. К. Чирковым является главным исследователем.

Д. К. Чирков является главным координатором и исследователем по подготовке рукописи.

А. А. Литвинов проводил обзор литературы и обобщение статистических форм ГИАЦ МВД России.

The author's contribution

G. F. Koimshidi carried out analytical processing of the statistical data and, together with D. K. Chirkov, is the main researcher.

D. K. Chirkov is the chief coordinator and researcher who prepared the manuscript.

A. A. Litvinov performed the literature review and summarization of the statistical forms of the Chief Information-Analytical Center of the Russian Ministry of Foreign Affairs.

Дата поступления / Received 04.01.2022

Дата принятия в печать / Accepted 20.07.2022